

 Светлана Демидова

Мужчина-
подарок

 русский любовный
роман

Светлана Демидова

Мужчина-подарок

«Автор»

2006

Демидова С.

Мужчина-подарок / С. Демидова — «Автор», 2006

ISBN 5-699-19116-X

Егор – настоящий сердцеед, а проще говоря – бабник! Но почти все женщины консалтинговой фирмы без ума от него: секретарша планирует стать женой Егора, замужняя Катя мечтает возобновить их тайный роман, супруга генерального директора... Как раз из-за нее вышла неувязочка – их любовная связь явилась причиной грандиозной ссоры и ухода Егора из фирмы. Теперь он вздумал вернуться, в основном чтобы... пристроить на работу Наденьку – женщину, с которой он недавно познакомился. И, кажется, влюбился намертво. Это добавило ему много новых проблем. Ведь прежние пассии Егора до сих пор не уgomонились и имеют на него виды...

ISBN 5-699-19116-X

© Демидова С., 2006

© Автор, 2006

Светлана Демидова

Мужчина-подарок

Все герои и события романа вымышлены. Всякие совпадения случайны

Хочу вам признаться, что к тридцати шести годам я осталась совершенно одна: без родителей, без мужа, без сына, без работы и даже без лучшей подруги. Что касается последней, то я не слишком расстраиваюсь, потому что, как выяснилось, в этой жизни ничего нет хуже лучшей подруги. Кстати, она не так уж и давно стала лучшей подругой. Я вообще стараюсь не заводить себе очень близких друзей, потому что не умею дружить. Я забываю про дни рождения мужей и детей друзей, что их очень обижает. Я забываю купить на долю подруги какую-нибудь недорогую классную футболочку, если что-нибудь подобное мне вдруг подворачивалось по пути с работы домой. И вообще, мне всегда было достаточно моей собственной семьи и моего собственного внутреннего мира.

Я, например, живо отшила соседку Ольгу, которая повадилась ко мне ходить то за солью, то за содой. Придет за содой, а потом еще битый час рассказывает, как ее сына Данилу ненавидит классная руководительница, являющаяся не кем иным, как отбросом отечественной педагогики. Видели бы вы этого Данилу, живо встали бы на сторону отброса педагогики, я вас уверяю!

Или вот Мария Васильевна, другая соседка по площадке. Она одинока, а лет ей, наверное, к семидесяти. Марья Васильевна одно время повадилась зазывать меня к себе попить чайку с пирожками. «Я гляжу, вы все одна да одна! – говорила мне она. – Скучно, поди? А мы посидим по-соседски, поболтаем! Или мы не женщины?» Пирожки у нее, конечно, отменные, но «болтать» целыми вечерами о ее болезнях или о том, как они с покойным мужем жили душа в душу, – удовольствие небольшое. А если уж говорить о том, женщина она или нет... Мне кажется, что после шестидесяти люди вообще становятся однополыми: не мужчинами и не женщинами... Может быть, я жестока?

Что же касается Тamarки Родимцевой, то у меня создалось такое впечатление, что она однажды специально втерлась ко мне в доверие, змеей вползла в нашу квартиру, чтобы со временем переквалифицировать меня в подругу жены моего мужа. Не знаю, поняли ли вы, что я хотела довести до вашего сведения, поэтому скажу проще: Денис теперь у нас с ней один на двоих. Мне он приходится мужем бывшим, а Тамарке – настоящим. У нас с ней теперь даже фамилии одинаковые: Михайлушкины. Я так еще и не сменила мужнину фамилию обратно на девичью, а Тамарка быстрее быстрого организовала себе новый паспорт, чтобы все между нами трое было по закону. Не могу сказать, что я в большом восторге от Денисовой фамилии, но не сменю ее, пожалуй, Тамарке назло. Да и от мужа пусть что-нибудь останется на долгую память.

Хотя... Если честно, то от Дениса мне осталось много памятных вещей. Например, грязные носки в очень большом количестве. Уже целый год я их выгребая из разных укромных уголков когда-то нашей с ним общей квартиры и каждый раз вспоминаю Михайлушкина. Он обожал свои грязные носки и никогда их мне не доверял. Я никак не могла добиться того, чтобы он складывал их в корзину для белья в ванной комнате. Он находил для них более укромные места, куда моя безжалостная рука не могла добраться, как то: узкие поддиванные, подшкафные и даже подхолодильничные пространства, где носки могли мирно сохнуть месяцами и подванивать лишь иногда, когда в квартире делалось излишне сыро от затяжных проливных дождей.

Не просто памятью, а настоящим памятником умелым рукам Михайлушкина, я надеюсь, еще месяца два прослужит платяной шкаф. Его отвалившуюся дверцу Денис укрепил с помо-

щью красных и синих пластиковых уголков от детского конструктора. От постоянного открывания и закрывания в углу уголков (уж простите меня за тавтологию) наметились тонкие змеевидные трещинки. Мне будет жаль, когда ноу-хау моего бывшего мужа наконец треснет. Во-первых, внутри шкафа уже не будет таких празднично ярких пятен, а во-вторых, дверца опять отвалится. И кто ее будет чинить?

Именно в этом месте есть смысл вспомнить и о нашем с Михайлушкиным Димке. Он настоящий сын своего отца, потому что детали детского конструктора являются и его любимыми скобяными изделиями, на которых в маленькой комнате крепится все, что только возможно, начиная от фотографий на стенах и кончая тяжеленными динамиками от нашего старого магнитофона. Да и к носкам у него наследственно-трепетное отношение: грязные он мне тоже не доверяет и, как папочка, рассовывает по самым невероятным местам квартиры. Вернее, рассовывал, потому что в этом году Димка окончил среднюю школу и уехал поступать в Московский университет. Питерский ему, видите ли, показался провинциальным. И ведь поступил! На факультет восточных языков! Я даже не ожидала. Была уверена, что он едет поступать на физмат. Вот до чего мы, родители, не знаем собственных детей!

В общем, живет сейчас Димка в университетском общежитии и в ус не дует. Во всяком случае, когда он мне звонит, голос у него бодрый, счастливый и раскрепощенный. Еще бы! В семнадцать лет вырваться из цепких родительских рук, оказаться на свободе, и не где-нибудь, а в столице нашей родины! Это ж не каждому так повезет!

В общем, за сына я рада и даже горжусь им, но тревожусь и скучаю очень сильно. Как раз на прошлой неделе в его комнате рухнул один из тех самых динамиков, о которых уже было упомянуто выше. Не поверите, но я битый час проплакала над... такой штукой в этом динамике, которую Димка называл диффузором и которая лопнула. Плакала о сыне и обо всем том, что отлومилось от моей жизни, подобно головке пластикового крючка, на котором висел старый динамик.

Несчастья нахлынули на меня три года назад. Накрыли огромной тяжелой волной, которая утащила бы за собой и меня, если бы не Михайлушкин. Сначала мама буквально за полгода сгорела от рака легких, а за ней слег и отец. Он вроде бы ничем серьезным и не болел. Похоже, что он просто не смог жить без своей Катеньки. Врачи не находили у него ничего серьезного, кроме возрастных изменений, но однажды утром он не проснулся. Хорошая смерть. Мой отец был хорошим человеком. Да и мама тоже, хотя ей и довелось изрядно помучиться в конце жизни.

В те тяжелые дни, как я уже сказала, Денис проявил себя самым наилучшим образом. Подставил, что называется, плечо. Если бы мне пришлось самой оформлять все эти посмертные документы, договариваться о гробах и могилах для самых родных моих людей, я, наверное, свалилась бы с какой-нибудь нервной болезнью. Михайлушкин сделал все как надо, вовремя, с наименьшими издержками и при этом очень достойно. За что я ему бесконечно благодарна.

Но не прошло и полгода после похорон отца, как у Дениса все завертелось с Тамаркой. Через бракоразводный процесс я прошла с честью: не устраивала ни сцен, ни истерик, ни бурных выяснений отношений. Разлюбил так разлюбил. Тут уж ничего не попишешь. Я дала Михайлушкину свободу и постаралась забыть о нем. Это оказалось не слишком трудно сделать, из чего я сделала вывод, что не слишком любила Дениса. Может, с Тамаркой ему повезет больше.

Я порвала и выбросила в мусоропровод все фотографии, где была запечатлена наша с Михайлушкиным совместная жизнь, а на журнальный столик вместо свадебного снимка поставила фото Димки, еще маленького, с первым в жизни футбольным мячом в руках. Таким образом я окончательно выбросила из памяти бывшего мужа, а помнить собиралась только сына, а еще маму с отцом – живыми, молодыми и красивыми, как на той старой фотографии, которая

приклеена на первую страницу нашего семейного альбома. Ну, а в довершение ко всем несчастьям от меня уехал сын (или все-таки последнее нельзя назвать несчастьем?).

Вы не поверите, но какое-то время после развода и отъезда Димки я была даже неприлично счастлива: мне наконец-то не надо было никуда спешить. Никто не ждал моей фирменной солянки, никто не разбрасывал по квартире вещи (в частности, грязные носки), никто ни к чему не придирался и не гулял по ночам. Никто не включал на сумасшедшую громкость магнитофон с Мерлином Мэнсоном. Никто не пялился в телевизор во время бесконечных трансляций хоккейных и футбольных матчей, а также светоча Первого канала – программы «Время». Я могла выбирать себе передачи по собственному усмотрению и наслаждаться дебильными (с точки зрения Дениса) сериалами, празднично-яркими показами мод и шоу «Женская логика».

А еще я теперь могла ходить в музеи и театры. Михайлушкин здорово не любил их посещать, потому что ради этого ему надо было выкорчевывать себя из кресла, куда он каждый вечер успевал пустить корни, откладывать «Спортивные новости», надевать чистые (!!!) носки и пилить через весь город на общественном транспорте, который он люто ненавидел.

Примерно через год после развода я начала тяготиться своим одиночеством. Сериалы мне и самой стали казаться дебильными, а шоу «Женская логика» не выдерживало никакой критики в связи с полным отсутствием какой бы то ни было логики вообще. Потом я стала замечать, что у меня совершенно изменился взгляд на вещи. Вернее, вещами как таковыми я и вовсе перестала интересоваться. Я начала ловить себя на том, что все время поглядываю на находящиеся рядом мужчин. А вскоре и совсем на них заиклилась.

Вот вы только представьте: прихожу на выставку молодых петербургских художников, а на картины обращаю внимание постольку-поскольку... То есть вообще не обращаю. Только для вида поднимаю на них глаза, а сама искоса разглядываю присутствующих мужчин. Надо сказать, что самые приличные из них всегда под руку с дамами, а неприличные мне на что ж? В театрах такая же картина. Вместо того чтобы смотреть на сцену, я бросаю взгляды на соседей по партеру или бенуару. Ничего приличного и одновременно свободного мне не подвернулось и в театре.

Возможно, я даже отправилась бы в какой-нибудь поход по Карельскому перешейку, в которые часто приглашают питерские газеты в разделе «Как провести выходные дни». Там уж наверняка мужчин побольше, чем в опере. Наконец решившись на поход, я как раз собралась купить себе рюкзак поизящнее, когда меня выгнали с работы. То есть не выгнали, а сократили, что по своей сути одно и то же. Конечно, это не было с бухты-баракты. Наш заводик по производству кафельной плитки медленно, но верно шел ко дну, потому что изготавливаемый на нем жалкий кафель не шел ни в какое сравнение с тем, чего жаждал потребитель. Я не раз говорила, что даже под дулом пистолета не прилепила бы наши изделия на пол собственной квартиры, не говоря уже о стенах, за что и поплатилась. Меня сократили вместе с сокращением производства плитки. Кому нужен какой-то там жалкий работник хорошо за тридцать, который, как ни крути, не программист, не маркетолог, не менеджер, а всего-навсего инженер-ришка, да к тому же еще и женщина.

Сейчас я стою на учете на бирже и получаю малюсенькое пособие. Работу по специальности они мне пока не подыскали, но я не против немножко отдохнуть от кафеля, других видов бытовой керамики и от Тamarки Родимцевой-Михайлушкиной, с которой мне приходилось сидеть за соседними столами. При увольнении завод рассчитался со мной подчистую, и некоторая, не слишком, конечно, большая сумма у меня в наличии имеется. Покайфую с недельку и отправлюсь на поиски другой работы. Ни мужа, ни любовника, который по совместительству мог бы являться еще и спонсором, у меня нет, а потому приходится рассчитывать только на себя и на собственные силы.

Неделя, которую я собиралась кайфовать, прошла на удивление быстро. Вся она была брошена под ноги питерским мужчинам, но они этого не заметили. Первый же свободный день я начала с парикмахерского салона и постриглась так, что одно ухо у меня оказалось на воле, а второе спряталось под прядями, ненавязчиво (так сказала парикмахерша) набегающими на лицо. В этом же салоне я выкрасилась под «лесной орех», а ненавязчиво набегающие пряди мне слегка затемнили. Ресницы и ногти покрасили в тон волосам, а кончики и тех и других также сделали потемнее, чтобы они представляли со стильной шевелюрой единый комплект. Можете себе представить, сколько денег я оставила в этом салоне!

Хорошо, что из одежды покупать ничего не надо было, потому что как раз назло Михайлушкину накануне развода приобрела обнову. В суд я явилась в шикарном костюме ясного цвета слегка увядающих листьев межсезонья, то есть переходного периода из лета в осень. Пиджак был без ворота и красиво открывал загорелую шею, а юбка имела асимметричную встречную складку с разрезом внутри. Из этой складки в нужный момент я очень импозантно выставляла на обозрение суда свою стройную ногу, при этом лицо Тамарки от зависти постепенно зеленело и к концу процесса расторжения моего брака с Михайлушкиным приобрело тот самый цвет слегка увядающих листьев межсезонья.

За коричневой помадой, гармонирующей с бракоразводным костюмом и ореховыми волосами, дело не стало: их в любом магазине навалом. Я купила самую дешевую, потому что и так уже неслабо потратилась на новый имидж.

Невский проспект плевать хотел на мой имидж. Ни один мужчина не обернулся вслед моей асимметричной стрижке с ненавязчиво набегающими на лицо прядями и импозантно выставляемой из разреза стройной ногой. Я специально присаживалась на скамеечки и в плетеные кресла уличных кафешек, чтобы разрез расходился на возможно больший угол, и даже иногда брала себе стакан минеральной воды, чтобы выглядеть при деле. Потом вынуждена была купить сигареты.

Вообще-то, курить меня Михайлушкин давно отучил, но навыки остались. К моей стрижке и разрезу, как вы понимаете, не подходили абы какие сигареты. Я приобрела «Vogue», тоненькие и суперлегкие, в изящной плоской пачке с лиловыми листочками под названием. Один мужчина подставил мне свою зажигалку, чтобы я прикурила. Можете мне поверить, я сделала это очень элегантно и с ослепительной улыбкой, но ее, похоже, закрыли от мужчины мои новые ненавязчивые пряди, и он, сунув зажигалку в карман, уехал от меня в лихо подрулившем к соседней остановке автобуса.

В первой же попавшейся парикмахерской самой средней руки я отрезала ненавязчивые пряди, потому что они, во-первых, как оказалось, закрывали от мужчин чуть ли не лучшую часть моего лица, а во-вторых, самым навязчивым образом лезли в рот. С Невского я переместилась на более спокойные и менее шикарные улицы, но и там успеха не имела. Один плюгавенький мужичонка, правда, спросил у меня, где здесь поблизости можно найти общественный туалет. Поскольку я не могла указать ему даже приблизительного направления, он, мгновенно утратив ко мне всяческий интерес, подвалил к полной женщине в красном газовом шарфе и банальной черной юбке без всяких разрезов, и они вместе, ноздря в ноздрю, отправились на поиски интересующего его заведения.

Поскольку в выставочных залах, театрах и на питерских улицах я уже отчаялась отловить мужчину, который ни за что не посмел бы у элегантной женщины спрашивать про туалет, оставалось одно – поход на Карельский перешеек или для начала куда-нибудь поближе. Сначала я хотела купить газету с объявлениями за пять рублей. Потом все-таки махнула рукой на деньги и потратилась на маленький глянцевого журнальчик «Досуг», где и выбрала себе на субботу однодневный походик, означенный на странице «Активный отдых» следующим образом: «пл. Капитолово – дер. Сяргы – ст. Токсово. Сбор – Финляндский вокзал у табло с расписанием пригородных электричек в 9.00». Журнал предупреждал, что необходимо иметь голов-

ной убор, удобную обувь и сухой паек на день. У табло походников должен встретить тренер Толеслав Эдуардович Бронников, что будет означено на его бейджике.

Что могло меня ожидать на платформе Капитолово, в деревне Сярьги и на станции Токсово, я не могла даже представить, но остаток недели провела в мечтах о Толеславе Эдуардовиче Бронникове. Во-первых, потому что он был мужчина. Во-вторых, потому что у него было редкое имя-отчество. В-третьих, потому что он был тренер, а значит, спортсмен, что предполагало атлетическую фигуру с тугими мускулами.

Удобная обувь у меня была, поскольку в обычной жизни я вообще-то предпочитаю носить кроссовки, если, конечно, не считать туфли, специально купленные к костюму для развода и использованные для последовавшей за ним ловли мужчин. В качестве головного убора к моей значительно укороченной стрижке вполне должна была подойти забытая Димкой темно-синяя бейсболка. Я вытащила ее из-под его дивана, очистила от пыли и примерила перед зеркалом. Оказалось – самое то.

Сразу скажу, что мои ожидания опять абсолютно не оправдались. Толеслав Эдуардович оказался толстым лысым дядькой в трикотажном спортивном костюме, безобразно растянутом, со спущенными петлями и со сломанной молнией. Если он и был тренером, то добрую двадцатку лет назад и, скорее всего, по шахматам, шашкам или спортивному домино.

Я прикинулась проходящей мимо и встала у соседнего киоска с прохладительными напитками. Чтобы выглядеть естественно, я даже купила банку джина с тоником и стала терпеливо ожидать прибытия на место означенной в газете встречи остальных походников. Если среди них окажется хоть один мало-мальски приличный мужчина, то можно будет считать, что поднялась я сегодня в такую рань не зря.

Надо отдать должное походникам: все они были в удобной обуви, а также в беретках, панамках и платочках, ибо все, как один, оказались бравыми подтянутыми пенсионерками, которые не желали сдаваться старости. Я поняла, что они уже не первый раз собираются под бейджиком Толеслава Эдуардовича, поскольку живо переговаривались между собой и «тренером», посмеивались и явно поджидали не просто еще парочку случайных людей, а кого-то определенного. Представьте себе, что этим определенным оказался как раз мужчина. Бравые старушки ему очень живо обрадовались, замахали руками, поправили свои беретки, а одна бабушка даже незаметно подкрасила губки морковного цвета помадой.

Мужчине было хорошо за шестьдесят, и он слегка опирался на палочку. Но я сразу поняла старушек, особенно ту, которая в срочном порядке накрасила губки. Во-первых, тот, кто слегка опирался на палку (простите, что приходится повторяться), был мужчиной, а во-вторых, довольно интересным даже в своем преклонном возрасте и в прихрамывающем виде. Он держался очень прямо, имел гордый орлиный профиль и совершенно белую буйную шевелюру. Если бы мне было около шестидесяти, то я пошла бы за его палочкой на край света.

В общем, вы поняли: я допила джин-тоник и в своей удобной обуви и Димкиной бейсболке вместо похода отправилась восвояси. Единственным, что я вынесла ценного из поездки на Финляндский вокзал, оказалось понимание того, что и в шестьдесят люди могут очень прилично выглядеть и очень четко делиться на мужчин и женщин. Это обнадеживало. Оказывается, на поиски подходящего мужчины у меня еще уйма времени!

Утром последнего воскресенья недели, отведенной мною на отдых, я решила еще раз пролистать все тот же журнальчик «Досуг». Мало ли какие еще досуги, кроме походов, бывают... Театральные, выставочные и концертные залы я отмела сразу по известной вам причине. Без интереса были пролистаны и репертуары кинотеатров, потому что в данных культурных учреждениях темно и нет антрактов. Для шопинга и ресторанов у меня явно было маловато денег: в навороченном ресторане не просидишь весь вечер со стаканом минеральной воды, будь у тебя

хоть три разреза на юбке. Оставался раздел «Ночной Петербург». Развлечения там наверняка тоже недешевы, но посмотреть, как Питер развлекается по ночам, было интересно.

Сразу скажу, что простому инженеру с керамического завода, который к тому же изучал в институте немецкий, ни за что не разобраться в условных названиях и англоязычной терминологии. Вот, например, «Money Honey» предлагает Phantoms (рокабилли) и Red Hot (нео-рокабилли), а «Fish Fabrique» и того хуже – какой-то трибал-трип в 22.00. Возможно, это все очень интересно, поучительно и собирает много мужчин, но с неизвестным рокабилли можно запросто проколоться, как с тем же походом в «Капитолово – дер. Сяргы – ст. Токсово». Я побыстрее перевернула пару страничек и оказалась среди суперэротических программ, экстрим-эротик-шоу в сопровождении экспериментального эйсид-джаза «Сотрясение планеты». Из всего многообразия предложенного я выбрала простенький клубик «Рай», где по четвергам был «Женский день» с бесплатным входом.

Все воскресенье в предвкушении «Рая» я просидела у телевизора, смотря все подряд. Начала с передачи «Неожиданное рядом», которая учит население нашей страны самостоятельно утилизировать отходы в виде пластиковых бутылок, чтобы государство этим не заморачивалось. Вернее, даже не утилизировать, а находить бутылкам новое и действительно самое неожиданное применение. Ну, о всяких там цветочках, вазочках, совках для насыпания крупы и детских игрушках в это воскресенье ведущие уже не говорили. Приелось. На сей раз они рекомендовали из зеленой литровой бутылки из-под лимонада «Яблоневого сада» сделать держатель-сушилку для зонта. Вот если бы вы не смотрели эту передачу, то никогда в жизни до такого не додумались бы. Все-таки передача оправдывает название, а ее сотрудники не зря едят свой нелегкий телевизионный хлеб. Так вот, представьте: если бутылку разрезать наискосок на две неравные части, то длинная часть с горлышком и навинчивающейся на него пробкой и будет главной частью держателя-сушилки. Неглавной – будет кольцо, отрезанное от донной части бутылки. Это кольцо гвоздем (!) прибивается к стене вашей прихожей, где вы как раз любите сушить свои мокрые после дождя зонты. Чуть пониже другим гвоздем (!) прибивается главная часть вашего оригинального изделия с отвинчивающейся крышкой. Ну?! Теперь вы все поняли? Конечно! Зонт через верхнее кольцо, которое является держателем, вставляется в нижнюю часть, которая, собственно говоря, и является сушилкой, и там сушится. Вода с него естественным образом стекает в узкую горловину, а вовсе не на ваш пол, который потом пришлось бы вытирать тряпкой (на что особенно обращали внимание ведущие передачи). Когда высушенный зонт будет вынут, легким движением руки крышка отвинчивается, и вода, натекая с зонта, сама собой, без всякого усилия с вашей стороны, стечет в майонезную баночку, которую на этот случай всегда надо держать под рукой.

Потрясающая идея! Никакой капиталист никогда не догадался бы! Где им! Они, в смысле капиталисты, бутылку выбросили бы, а потом корячились, придумывая для сушки зонтов какую-нибудь штуку с кондиционером, чтобы сложенный мокрый зонт случайно не протух. А нам что? Подумаешь, чуть подтухнет... Выйдешь с ним снова в непогоду, и всю тухлость как рукой снимет!

Я еще много чего полезного для себя вынесла в этот телевизионный день. Уже перед сном на канале «Мир вашего дома» я узнала следующее: чтобы снять с банки не желающую сниматься полиэтиленовую крышку, нужно на нее сверху поставить горячий чайник. Представляете, до чего просто! С сознанием, что с очень большим толком провела у телевизора день, я легла в постель, но уснуть не могла долго. Все-таки до чего наш народ горазд на выдумки! Приятно и даже немного завидно. Мне очень хотелось самой придумать какое-нибудь нетрадиционное использование пластиковой бутылки. И я придумала: берешь бутылку, прокалываешь ее сужающееся горлышко иголкой в несколько рядов, и у тебя готов опрыскиватель для домашних цветов, которые это любят. Думаю, лишним будет предупреждение, что завинченную крышку в момент опрыскивания отвинчивать не стоит.

В понедельник, неминуемо последовавший за прошедшей неделей, полной горьких разочарований и небольшой надежды на «Рай» в следующий четверг, с трудом разомкнув продолжающие слипаться веки, я мысленно прикинула имеющуюся в моем распоряжении наличность. Навскидку получалось, что ее должно остаться мало.

Я резво вскочила с постели и вытрясла из кошелька на стол все, что там было, потом еще немного поскребла по сусекам, то есть по карманам, в косметичке и за отпортившейся подкладкой сумки. И все равно всей наличности оказалось такое ничтожное количество, что стало ясно: до четвергового «Рая» мне не дожить, а потому надо срочно прекратить заниматься досугом и возвратиться к трудам, ежедневным и праведным. Решила, что стоит еще разик наведаться на муниципальную биржу, а потом сходить в частное бюро занятости населения под странным названием «Садко». Возможно, у них имеются вакансии прямо на самом дне морском. Стоит проверить.

До биржи я не дошла, не говоря уже о морском дне. По пути мне попался салон сотовой связи, которому, судя по объявлению на дверях, срочно требовались продавцы телефонов. А что? Я давно мечтала иметь сотовый телефон. Может, салон своим сотрудникам продает их со скидкой или выдает в качестве премиальных? Не раздумывая ни минуты, я вошла в застекленные двери. Весь салон тоже был застеклен или, скорее всего, оправлен в пластик. Телефонные трубки, укрепленные за прозрачными витринами на не менее прозрачных подставках, казалось, висели в воздухе. Торговый зал походил на бокс с капсулами для выращивания гомокулусов из какого-нибудь фантастического триллера или, извините, на банк спермы (которого я, правда, «живым» никогда не видела, только однажды в каком-то фильме). Покупателей не было ни одного, что мне не понравилось, но я подумала: может, сегодня в салоне переучет, технический перерыв или нерабочий день ввиду полного отсутствия продавцов, раз их приглашают на работу по объявлению?

Менеджер по кадрам, который занялся моей персоной, и сам очень походил на сперматозоид, хотя я и их никогда не видела, если не считать рекламные ролики, призывающие телезрителей покупать презервативы, внося, таким образом, свою скромную лепту в борьбу со СПИДом. У менеджера была абсолютно лысая голова с очень белой кожей, круглое лицо без бровей, румянца и щетины на подбородке. Шеи у него тоже не было, и прямо от головы он весь как-то демонстративно сужался книзу. Мне очень хотелось заглянуть под стол, чтобы проверить, есть ли у него хвост, но я подумала, что он может неверно истолковать мое телодвижение и не принять на работу. Я сдержала свои порывы, сконцентрировавшись на бейджике с именем Максим, который болтался на болезненно белой рубашке менеджера.

– Мы, конечно, можем вас принять на работу и без опыта в нашем бизнесе, – женским голосом сказал сперматозоид Максим, – но придется пройти через полиграф. Знаете, что это такое?

– Не знаю, – честно ответила я.

– Ну вот, заодно и узнаете. В общем, завтра будьте вот по этому адресу. – И он выложил на стол картонный квадратик. – Время там тоже указано.

Поскольку, кроме Полиграфа Полиграфовича Шарикова из «Собачьего сердца», я не знала никаких других полиграфов, то прилично струхнула и, прихватив на всякий случай картонку с адресом, вылетела из этого банка спермы недооплодотворенной.

Дома я обзвонила всех своих знакомых и родственников, посвященных в тайны новых технологий, и наконец выяснила, что полиграф – это не что иное, как детектор лжи, или, как его любовно называют в народе, электронный стул.

– Зачем же меня сажать на электронный стул?! Не в Штатах, чай? – спросила я брата мужа моей двоюродной сестры, который и оказался в курсе насчет полиграфов, и почувствовала, что

мои сразу задеревеневшие от страха губы образовали узкую щель, в которую слова пролезают с большим трудом.

– Чтобы проверить на честность нового сотрудника, – ответил мне родственник. – И что тут такого? Всего лишь оскал здорового капитализма. Давно пора привыкнуть.

– Они боятся, что я буду красть их телефоны? – просвистела я через свою щель, одновременно бурно покраснев, поскольку вспомнила, как собиралась получить мобильник на халяву.

– Ты можешь еще оказаться и предателем.

– Это как?

– Ну, как-как... Можешь выдать конкурирующей фирме секреты их бизнеса или вообще переметнуться на сторону вместе с их интеллектуальной собственностью.

– И как же можно узнать на детекторе, переметнусь я или не переметнусь?

– Там целая система... – небрежно бросил мне в трубку обычного стационарного телефонного аппарата продвинутый собеседник, давая понять, что я ее все равно никогда не пойму.

Я с ним согласилась, трубку повесила и решила, что в полиграфические щупальца ни за что не дамся. В конце концов, кто сказал, что продажа сотовых телефонов – единственно возможная сфера применения моих способностей?

Утром следующего дня я проснулась в более позитивном настроении. А почему бы, собственно, и не сходить на этот полиграф? Интересно же посмотреть на электронный стул! Ну и что, если меня заклеят предателем? Не возьмут на работу? Да и пожалуйста. Не очень-то и хотелось работать в их банке со сперматозоидами. Будет повод дойти наконец до биржи или до «Садко» с их морским дном и, может, даже согласиться на должность оператора котельных установок, которую мне однажды предлагали.

Я вытащила картонный квадратик, посмотрела на указанное время и поняла, что если надену джинсовый костюм, который не надо гладить, то как раз успею.

На стене старого питерского дома, рядом с окрашенной унылой коричневой краской железной дверью в подвал, красовалась шикарная черная с золотом вывеска: «Центр психофизиологических исследований». Поколебавшись с минуту, я нажала на кнопку такого же красивого, как вывеска, звонка. Щелкнуло какое-то устройство, и тяжелая створка приоткрылась. Я проскользнула в образовавшуюся щель и оказалась на лестнице, ведущей глубоко вниз. Очень может быть, что прямо в преисподнюю. За спиной отвратительно лязгнула закрывшаяся сама собой дверь. Все. Я в бункере. Назад дороги нет.

Я осторожно спустилась по лестнице. За следующей по пути дверью меня встретил секьюрити, которому я ткнула в нос «направление» в виде картонного квадратика, выданного сперматозоидом Максимом. Секьюрити в обмен на «направление» выдал бумагу, которую я должна была подписать, прежде чем отдаться на милость полиграфа. На голубоватом листе бумаги компьютерным жирным курсивом «Times New Roman» было напечатано, что в Центре психофизиологических исследований я появилась добровольно и ни к кому не намерена предъявлять никаких претензий. Мне сразу же захотелось предъявить претензии на то, что меня захлопнули в подвале, но озвучивать их было просто некому, и я подписала бумагу.

Идя по узкому коридорчику мимо плотно закрытых дверей, я уже представляла себя в подземельях замка Синей Бороды, жестокого, беспощадного и кровожадного. Мне очень хотелось сбежать, но секьюрити, неосмотрительно покинув свой пост, шел за мной сзади след в след. Так я в конце концов и очутилась за одной из таких дверей, в стандартном черном компьютерном кресле. Меня облепили датчиками с ног до головы и обмотали проводами, которые замыкались на изящном ноутбуке.

– Прекратите возиться! – нервно сказала «оператор ноутбука» в костюме цвета свежей редиски. – Не двигайтесь и дышите ровно!

Я разозлилась, что из-за каких-то сотовых телефонов, которые вовсе не собираюсь красть, должна не двигаться, по-особенному дышать и потеть от напряжения. Наверняка их датчики фиксируют усиленное потоотделение, а ведь тому, кто потеет, есть чего бояться. Люди с чистой совестью не потеют по пустякам. Это нам давно объяснили, например, в рекламном ролике какого-то дезодоранта. Не успела я отметить, что на лбу у меня выступила особенно отвратительная обильная испарина, как на меня горохом посыпались вопросы.

– Вас зовут Надежда? – спросила Редиска.

– Нет! – выпалила я, потому что по условию эксперимента должна была один раз опровергнуть свое имя.

Не знаю, что увидела на своем экране пытающая меня женщина, но лицо ее оживилось. Видимо, врала я качественно, и она смогла зафиксировать, КАК ИМЕННО я вру.

– Где работали прежде?

– На заводе керамических изделий! – бодро отрапортовала чистую правду я.

– Ваша должность?

– Инженер, – сказала я, хотя мне было очень стыдно в этом признаваться. Не мерчендайзер ведь.

– Сколько людей находилось в вашем подчинении? – продолжала стрелять вопросами Редиска.

– Нисколько.

– Воровали на прежнем месте работы?

– Нет! – ответила я, и Редиска понимающе улыбнулась.

А между прочим и если честно, я воровала на работе. Битую плитку, которую производил завод. Таскала все для той же двоюродной сестры, брат мужа которой меня насчет полиграфа консультировал. Сестра с мужем выложили боем из нее дорожку у себя на даче. А кто, скажите, не ворует на работе? Это государство нас только и делает, что обкрадывает, и нам не грех немножко того...

– Выпивали на рабочем месте?

– Да!

Тут я решила сказать правду, потому что надо еще поискать тех, которые этого не делают. Все выпивают. Когда, например, юбилей или кто-нибудь у кого-нибудь родится. И за моего Димку выпивали, когда он поступил в Московский университет, да еще на факультет восточных языков. Можно подумать, что эта Редиска не выпивает в свободное от полиграфирования время!

– Выносили ли с территории завода конфиденциальные документы?

– Нет! – ответила я бодро, хотя... Смотря что считать конфиденциальным и для чего выносить. Я сто раз выносила накладные, чтобы мастер моего участка, который периодически впадал в жуткий запой, подписывал их своей дрожащей от жажды рукой прямо на дому.

Волынка с вопросами и ответами затянулась часа на полтора, но приводить нашу с Редиской непринужденную беседу полностью не вижу никакого смысла. Как выяснилось, на вопросе «Где вы работали прежде?» я еще не отошла от вранья по поводу своего имени, и ответ на него тоже посчитали неправдой.

– И чего было врать про керамический завод? – удивилась Редиска.

Я пожала плечами и поняла, что не работать мне рядом со сперматозоидом Максимом. Может, потому их салон и такой пустынный, что ни один из претендентов на должность продавца никак не может пройти полиграф. Эдак им не продать ни одного телефона. Наверное, именно потому Максим был так бледен и грустен при нашем с ним разговоре.

Когда я уже поднималась из подвала Центра психофизиологических исследований, меня догнал очень сердитый молодой мужчина. Несмотря на нервное перенапряжение, я все-таки отметила, что он не в моем вкусе: с сивыми встрепанными волосами и невыразительным,

чересчур розовым лицом. Он раз пять чертыхнулся, пока нам наконец не открыли дверь на улицу.

– Нельзя же принимать эту ерунду так близко к сердцу! – не выдержала я, покосившись на мужчину.

Он будто только и ждал моего участия:

– Нет, вы представляете, я третий раз из-за этого идиотского полиграфа пролетаю мимо фирмы! А сегодня так и на должность-то ерундовую. Прямо противно, честное слово!

– Может, эта ужасная машина уже вас узнает? – рассмеялась я.

– Кто ее знает... – не улыбнулся он. – Все возможно. У них тут два детектора, и я умудрился два раза все-таки попасть на разные. Результат оказался идентичен, хотя во второй раз даже оператор был другой. Наверное, их ноутбуки в сети, и все данные сохраняются, а я себя уже, как говорится, зарекомендовал далеко не с лучшей стороны...

– Не расстраивайтесь так, – еще раз улыбнулась ему я, сочувственно и одновременно ободряюще. – Я тоже пролетела мимо. Как и вы.

Но мужчина не расстраиваться не мог. Он скручивал в жгут полиэтиленовый пакет и смешно хмурился.

– Вы уверены, что в вашем пакете нет ничего нужного? – на всякий случай спросила я.

– Там же мой паспорт! – вскричал три раза пролетевший мимо фирмы мужчина и начал крутить пакет в обратную сторону. В конце концов его пришлось порвать, чтобы извлечь на свет изрядно изуродованный паспорт.

– Вот так всегда! – тяжело вздохнул потерпевший. Он спрятал документ во внутренний карман пиджака, протянул мне руку и представился: – Егор.

Несмотря на утроенные неприятности, его рукопожатие было сильным и уверенным.

– Надя, – вынуждена была ответно представиться я.

– А не зайти ли нам, Надя, вон в то кафе? Отпраздновать, так сказать, наш пролет?

Я еще раз без удовольствия оглядела очень заурядное лицо мужчины, но все-таки согласилась с его предложением. После полуторачасовой пытки надо было расслабиться.

Кафе оказалось так себе. Таким же заурядным, как внешность моего нового знакомого. Дешевая забегаловка, видимо, из принципа не поддающаяся западному влиянию.

Кофе был противным, пережженным, пирожное – сухим, зато собеседник неожиданно оказался очень мил. Он как-то ненавязчиво выпросил все, что со мной приключилось за последние лет эдак... пятнадцать, и так же непринужденно рассказал о себе. Я даже не могла предположить, что с интересом выслушаю все, что касается человека, которого я вижу первый раз в жизни и, скорее всего, не увижу больше никогда. Оказалось, что Егор был сотрудником одной дизайнерской фирмы, но разошелся с начальством во мнении по принципиальному вопросу и вынужден был уйти. Потом мой новый знакомый работал в НИИ, которое, как и многие подобные заведения, однажды приказало всем долго жить, и после этого уже около года искал себе более или менее подходящую по профилю работу, параллельно прирабатывая везде, где только возможно.

К моему удивлению, очень скоро молодой мужчина перестал казаться мне несимпатичным. У него были необыкновенно живые зеленоватые глаза, добрая улыбка, а с лица сползла нездоровая розовость, неприятно поразившая меня у дверей пещеры Полиграфа. Очевидно, она была свидетельством сильнейшего нервного напряжения и в спокойном состоянии на лице Егора не проявлялась. И волосы у него были вовсе не сивые, а такие... светло-шатенистые... А рост – так и вообще хороший. Наверняка около ста восьмидесяти.

Очередной раз рассмеявшись шутке Егора, я вдруг подумала: «А может, это он и есть, тот самый, которого я безуспешно разыскивала по выставочным и театральным залам, среди старушек при Толеславе Эдуардовиче Бронникове и надеялась не далее как в ближайший четверг встретить в клубе с многообещающим названием „Рай“?» Я посмотрела на мужчину под новым

углом зрения и даже вспотела от волнения, будто меня опять обвешали датчиками детектора лжи. Может быть, послать Егору какой-нибудь обольстительный взгляд? Или подмигнуть? Или сделать вид, что мне плохо от... от пережженного кофе, и начать заваливаться в обморок? Он вынужден будет меня подхватить, а там и... Я уже совсем было собралась претворить в жизнь свою последнюю задумку, как Егору позвонили. Он так мило улыбался, когда говорил по мобильнику, три раза назвал собеседницу Ленуськой и в конце разговора два раза сказал «целую». Я поняла, что партия проиграна, толком не начавшись. Конечно же, он женат. Глупо было надеяться, что в награду за полиграфические мучения на меня свалился приличный холостой мужчина. У него и возраст не холостяцкий. К сорока небось...

– Что-то вы, Наденька, опять загрузили... – участливо отметил Егор. – Давайте выпьем за то, чтобы нам с вами все-таки повезло!

Мы действительно выпили какого-то белого вина, и я подумала, что должна немедленно дать объяснение собственной грусти, чтобы новый знакомый не подумал, будто она накатила на меня из-за него.

– Да вот... прикидываю, куда пойти завтра, – вздохнула я. – И как бы опять, вроде вас, не нарваться на полиграф.

– Да-а-а... Зада-а-а-чка... – протянул Егор. – Знаете, у меня есть друг... или был... ну, в общем, это сейчас не так уж важно... Так вот, он – владелец одной фирмы, которая сейчас здорово процветает. Не рвануть ли нам с вами туда? – Он посмотрел на часы. – Сегодня, правда, я не смогу, потому что... В общем, сегодня я занят, а вот завтра... Как вы на это смотрите, Наденька?

Я смотрела на это положительно. Мне очень нравилось, как он называет меня Наденькой, ласково протягивая «а». Мне очень хотелось с ним хотя бы еще разок встретиться, а уж найти работу в одном месте... о таком и мечтать-то, кажется, уж слишком смело. Но о том, что я вот так, за какой-то жалкий час, на него «подсела», знать Егору было совершенно необязательно, поэтому я вместо ответа задала встречный деловой вопрос:

– А почему вы трижды пытались обвести вокруг пальца... вернее, вокруг датчиков... этот дурацкий полиграф, вместо того чтобы сразу пойти в фирму к вашему другу?

– Ну... если честно, то я предлагаю вам как раз ту самую фирму, из которой некогда ушел... Они несколько поменяли вид деятельности, что пошло им на пользу. – Егор вздохнул, оглядел меня добрыми зеленоватыми глазами и пояснил: – С друзьями, Наденька, работать очень трудно, особенно в подчинении у них. Да и начальнику с другом непросто. Пару-тройку лет назад мы с Алексом очень крепко повздорили... если можно так сказать... При расставании он бросил мне, что я еще к нему приду... ну, вроде с раскаянием... а он еще посмотрит, прощать меня или нет.

Таким образом, выяснилось, что «развод» Егора с фирмой был не из принципиальных соображений или не только из-за них. Мне очень хотелось спросить, чем мой новый знакомый так обидел или оскорбил своего друга, но я не посмела. Однако сказала:

– Может, тогда лучше все-таки к нему не ходить, если вы... все же сомневаетесь в своей правоте? Фирм в городе много, а мы с вами уже выпили за везение.

– Дело в том, Наденька, что я пытался устроиться уже в десяток фирм, и все время что-нибудь да не подходило. Из этого десятка, между прочим, только три фирмы посылали на детектор. Даже в огромном мегаполисе найти подходящую по всем параметрам работу непросто. Так что пойдемте завтра пытаться счастья к Алексу! По рукам?

И он протянул мне свою руку, в крепости которой я уже удостоверилась ранее. Я вложила в его ладонь свою, и Егор ее осторожно пожал. Мне показалось, что он задержал мою руку в своей чуть дольше, чем нужно, и прямо от кончиков пальцев по всей коже тела у меня начали расползаться мурашки.

– В общем, так! – подытожил наш разговор Егор. – Сейчас вы дадите мне свой телефон, а завтра я вам позвоню... как освобожусь, и мы поедем в фирму к Алексу! Договорились?

Я кивнула и полезла в сумку, чтобы найти какой-нибудь листок для записи номера телефона, поскольку в этом жалком кафе даже салфеток не было. Я достала ручку и старый, ненужный уже рецепт, но Егор покачал головой.

– Не надо записывать, – сказал он. – Я запомню. Говорите.

Я поняла, что он ничего не запомнит и что мы больше никогда не увидимся, но номер телефона все-таки назвала. Так. На всякий случай.

Когда мы вышли на улицу, Егор опять посмотрел на часы, огляделся по сторонам, нашел припаркованное такси и подвел меня к нему.

– Где вы живете, Наденька? – спросил он.

– На Лодейнопольской улице, – ответила я.

– Это где ж такая?

– На Петроградской стороне.

– Шеф, слышал? – Егор нагнулся к водителю.

Тот согласно кивнул.

– Довезешь даму до Лодейнопольской. Вот деньги, – и он сунул водителю купюры. – Надеюсь, этого хватит.

Безмолвный водитель опять только кивнул.

Егор сделал мне прощальный жест рукой, и такси рвануло с места.

Я еле сдержалась, чтобы не заплакать. Он от меня все-таки отделался! Сбагрил! И, главное, как молниеносно – даже не успела возразить. Можно было бы сказать, что я ненавижу ездить одна в такси, что мне надо заехать к подруге совсем в другой район Петербурга, но получилось так, как захотел он. Странно, что с таким решительным характером он никак не может найти работу. А может, именно с таким как раз и трудно найти? А может, он вообще все насочинял? Слегка расслабился со мной после тяжелого испытания и – адью! Как же, запомнит он мой номер телефона... Целых семь цифр, соединенных без всякой логики. Была нужда запоминать.

Какая же я несообразительная дура! Можно было бы сказать, что завтра меня не будет дома, попросить его номер телефона и условиться о времени звонка. Ну почему хорошие мысли всегда мне приходят уже после того, как...

Дома я почувствовала себя совершенно больной. Детектор лжи высосал из меня все соки, а неудача с Егором доконала окончательно. Голова слегка кружилась от вина и от усталости. Душу разъедало горькое сожаление. Наконец-то встретился мужчина, который понравился, и нате вам!

А собственно, чем он мне уж так понравился? Я попыталась рассуждать здраво. Неужели тем, как протяжно произносил «На-а-аденька»? У меня просто имя такое! Михайлушкин, когда ему было надо, тоже так умел. Он даже как-то умудрялся тянуть «е», расположенное посередине, что невероятно трудно. Не верите? А вот попробуйте...

А лицо у Егора, если рассматривать его не предвзято, как я, то есть не с точки зрения возможных романтических отношений, а просто... В общем – лицо у него никакое. Его ведь даже трудно запомнить, вот! Я его уже почти и не помню! Ну, глаза... Ну, улыбка... И все? Настоящий Чеширский кот – улыбка существует отдельно от лица. Если я встречу Егора при других обстоятельствах, то наверняка даже не узнаю. Ну и зачем мне о нем сожалеть?

На этой оптимистической ноте я решила прилечь и слегка отдохнуть до сериала «Месяц любви», но проснулась только на следующее утро. В 6.00. Я как раз пила кофе и размышляла над тем, что мне делать до десяти часов – до открытия биржи труда, когда зазвонил телефон. Я машинально посмотрела на электронные часы. 7.12.

Звонил Егор.

– Наденька! Извините, что поднял вас в такую рань. Просто больше не будет возможности позвонить. Если вы еще не передумали, то ровно в полдень, то есть в двенадцать часов, я буду ждать вас на выходе станции метро «Достоевская». Договорились?

Он опять не давал мне даже вставить слова! А может, у меня другие планы? Может, «Достоевская» мне не подходит?

К черту! Какие у меня планы? Никаких! Я готова к встрече с ним даже на безвоздушной планете Марс! И это несмотря на то, что у него абсолютно невыразительное лицо!

– Договорились, – только и успела сказать я, как он сразу отключился.

Я вертела в руках трубку, почему-то боясь положить ее на рычаг. Мне казалось, что этим я прерву связь – не банальную, телефонную, а ту, которая возникла между мной и Егором. Он мне все-таки позвонил! Запомнил мой номер! Он собирается устраивать меня на работу! Неужели я ему тоже понравилась?

Всю оставшуюся часть утра до того момента, когда надо было уже выходить из дома, я провела попеременно то у раскрытого шкафа с одеждой, то перед зеркалом. Задачу надо было решить непростую. С одной стороны, у меня свидание, с другой – деловая встреча. То и другое для меня одинаково важно. Если бы было просто свидание, то я надела бы под плащ все тот же бракоразводный элегантный костюм в сочных зеленоватых тонах и с разрезом, да и накрасилась бы соответственно... Но я еще собираюсь устроиться на работу, а в этом деле важны другие линии и краски.

В пачке журналов и рекламных буклетов, сваленных на журнальном столике, я откопала газету «Биржа труда», которую недавно купила. Там была статья о том, как правильно вести себя при устройстве на работу. Ага! Вот она! Так... Как вести телефонные переговоры... это мне не надо... Составление резюме... не надо... Посещение выбранной фирмы инкогнито... Вот интересно! Зачем нужно посещать фирму инкогнито?

Я пробежала этот абзац статьи по диагонали и очень огорчилась. Кроме того, что тайное посещение фирмы позволяет определить, сколько времени надо будет затрачивать, чтобы до нее добираться и не опаздывать, так еще и позволяет обратить внимание на корпоративную одежду сотрудников и не ударить в грязь лицом. «Одна из причин отказа принять на работу – жалкий внешний вид претендента», – черным по белому было напечатано в газете. Оказывается, на целых пятьдесят пять процентов успех зависит исключительно от внешнего вида!

Что ж, запомним... Что там далее? Вот! Выбор имиджа в соответствии с установленной целью. Большая часть фирм предпочитает деловой стиль: классический пиджак с юбкой или брюками, причем пиджак не короткий... цветовая гамма приглушенная... не рекомендуется геометрический орнамент... исключить разрезы, глубокие декольте, всяческую асимметрию, дорогие украшения... одежда не должна быть новой, с иголки... никаких пластиковых пакетов... только небольшая сумка и рекламный буклет фирмы... а сумка – с длинной ручкой, чтобы висеть на плече... деловая женщина не должна восприниматься домохозяйкой с кошелкой...

Ничего себе – домохозяйка с кошелкой! Последнее время у меня как раз болело левое плечо, на котором я обычно носила сумку. Врач сказал – отложение солей. Я даже проходила по этому поводу физиопроцедуры и массаж. Надо сказать, что помогло не слишком. Сильная боль ушла, но плечо все равно побаливает. Так вот – в связи с этим от своей не очень маленькой сумки я отцепила длинную ручку, чтобы носить ее в руке, а не на больном плече, тем более что мое правое, здоровое, плечо почему-то оказалось совсем непригодным для ношения сумок. Как хорошо, что я догадалась еще раз перечитать статью! Хороша бы я была с сумкой в руке – типичная домохозяйка, а не достойный претендент на должность в приличной фирме. Только куда же я забросила ручку?

Когда с большим трудом длинный ремень был извлечен из-за тумбочки в прихожей вместе с еще тремя мумифицированными носками Михайлушкина (или, возможно, Димкиными), я принялась читать статью дальше. Так... тут опять про сумку. На свою длинную ручку она вешается на спинку стула, если его конструкция позволяет, а если не позволяет, ставится рядом на пол. Ничего себе... А если он грязный? Ладно, что там у нас дальше? Дальше газета утверждала, что «выбирают успешных и счастливых», а потому входить в кабинет надо не спеша, как человек, уверенный в своих силах, оставив дверь чуть приоткрытой... С ума сойти, какие китайские церемонии. Это для чего же приоткрытой? Наверное, чтобы не мучиться с ее открытием, если тебе откажут.

Далее идет... самопрезентация. Может, меня представит Егор? Хотя что он может сказать обо мне как о работнике? Ничего. Я должна буду сама что-то о себе сказать. Так! Вот тут написано, что человек держит мысль полторы минуты. Если неинтересно, то он отключается, поэтому говорить надо коротко, емко и использовать активные глаголы (то есть, например, не изучАЛ, а изучИЛ, не осваИВАЛ, а освОИЛ). Во время общения с работодателем следует производить подстройку к нему по позам, мимике и речевым особенностям... Ничего себе! А если он подумает, что я его передразниваю... Что-то здесь не так... Ну-ка, а что там выделено жирным шрифтом? **«Красной нитью во время всего вашего разговора должна проходить мысль о том, что вы МОЖЕТЕ и ХОТИТЕ принести этой фирме доход (прибыль)».** Откуда я знаю, смогу ли я принести доход (прибыль) фирме, если я даже не знаю, чем она занимается! И вообще, я еще ни разу не приносила никому прибыль. Одну убыль...

Я бросила взгляд на часы. Все! Читать больше некогда. Надо отыскать одежду, которая хоть в какой-то мере соответствовала бы современным требованиям при найме на работу. В конце концов я остановилась на сером костюме, который уже почти год не надевала. Он был как раз нужного стиля, а именно: далеко не новый, то есть можно считать – не с иголки; пиджак не короткий; тон вполне тянет на приглушенный; без геометрических узоров; разрезы и асимметрия отсутствуют. Дорогих украшений у меня сроду не бывало, а к сумке я снова прицепила длинную ручку.

Лицо я тоже накрасила в приглушенных тонах. Плохо было с волосами и со зрением. Во всяких фильмах и рекламных роликах деловые женщины носят длинные волосы, завязанные на затылке в изящный узел, и очки в тонкой оправе, изящно съехавшие на кончик носа. Зрение у меня было орлиным, а волосы – короткими. Но тут уж ничего не поделаешь. Придется смириться с собственным несоответствием классическим образцам.

Как я вчера и предполагала, Егора я не узнала. Но гораздо хуже было другое. Он меня тоже не узнал! Несколько минут мы чуть ли не бок о бок стояли в толпе на выходе из метро и нетерпеливо поглядывали на часы. Я узнала его первой – по жесту, когда он пальцами обеих рук, как граблями, проскреб свои волосы ото лба к затылку.

– Егор! – вскрикнула я.

– Надя? – удивился он.

Я машинально посмотрелась в стеклянную створку дверей метрополитена и с ужасом поняла, что похожа не на деловую женщину, а скорее на Алису Фрейндлих в начале бессмертного фильма «Служебный роман». Дома мне почему-то так не казалось.

Пришлось признаться:

– Да, это действительно я.

Я сказала это, совершенно не расстраиваясь своему проколу, потому что и Егор все-таки оказался так себе мужчиной. Невидным. Кто знает, каков побочный эффект от воздействия на мозги полиграфа? Может, после этой процедуры все вокруг кажутся очень привлекательными людьми, вот я и собралась в тридцать шесть лет на свидание к прекрасному принцу. А вместо принца передо мной стоял обыкновенный отечественный экземпляр мужчины средних лет

без особых изысков. Глядя на мой деловой костюмчик приглушенных тонов, Егор, очевидно, думал то же самое и прикидывал, стоит ли позориться с такой мымрой у своего друга Алекса.

– У вас все переменилось и вашему товарищу уже не нужны сотрудники? – подсказала ему я самым задорным голосом.

– Нет... отчего же... Впрочем, я не знаю. Я с ним не разговаривал. Решил нагрянуть, так сказать, сюрпризом, чтобы он не успел подготовиться к нашей встрече и инициатива была у нас в руках.

– Ну и? – Я решила больше не подсказывать ему спасительных вариантов.

– Можем ехать, – все-таки сказал Егор. – Машина рядом.

Машина оказалась белыми «Жигулями» четырнадцатой модели со спойлером. О такой мечтал Михайлушкин, но мы на нее так и не насобирали денег.

Егор кружил по питерским улицам. Всю дорогу мы молчали. От вчерашнего веселого собеседника не осталось и следа. Значит, все дело действительно во влиянии полиграфа. Поскольку между Егором и мной в отсутствие детектора лжи ничего хорошего явно не получится, есть смысл засечь, как советовала газета, сколько времени понадобится для того, чтобы добраться до фирмы. Через пару минут я сообразила, что даже при самом наилучшем раскладе, то есть если меня примут на работу, Егор вряд ли станет ежеутренне возить меня на своей машине, и я отвернулась от окна.

Когда мы остановились у зеркальных дверей с вывеской «Агентство „Шамаил“», я уже ни на что хорошее не надеялась. Во-первых, шикарность «парадного подъезда» сразу предупредила соискателей рабочих мест о том, что Алис Фрейндлих из начала фильма здесь не ждут, что им (исключительно из человеколюбия) разрешается только (и то иногда) постоять «вдали, свесив русые головы к груди». Во-вторых, название агентства навевало мне что-то знойно-чеченское, и босс Алекс представился клоном Шамиля Басаева. Немудрено, что они разругались с Егором на несколько лет. Восточные люди – народ сильных страстей и, возможно, с кинжалом на боку.

Егора подобные размышления, скорее всего, не беспокоили, потому что, закрыв машину, он моментально взлетел на изящное крылечко и толкнул зеркальную дверь. Мне ничего не оставалось, как смиренно последовать за ним.

Холл фирмы был декорирован в лучших традициях хай-тека, то есть никак: светло-бежевые стены, стыдливо выглядывающие из них и из потолка крошечные пупырышки светильников, три бежевых же кожаных кресла, но на тон темнее стен, одно кипарисовидное растение в керамическом горшке, три высокие надменные двери и около одной – минимализированное рабочее место секретарши.

Секретарша из декора не выпадала: лет двадцати с небольшим, на затылке – узел, на кончике носа – очки в тонкой оправе, костюм строгих форм и под цвет мягкой мебели. Я отметила, что она всем хороша, за исключением пиджака. В свете последних веяний, означенных в газете, он был явно коротковат.

– Горыныч! – не совсем в имидже обрадовалась секретарша и даже вышла из-за своего столика, кругло растопырив руки. С такими руками либо изображают танец кукол, либо обнимаются.

Я на всякий случай обернулась, но за нами не было не только ни одного Змея о двенадцати головах, двенадцати хоботах, но и вообще никого, кто смог бы оценить ее кукольный танец.

– Анжелка! – обрадовался Егор, и растопыренные руки секретарши облепили того, с кем я пришла устраиваться на работу. – Все хорошеешь?!

– А ты все такой же! – игриво ответила Анжелка, и я поняла, что ей не хочется покидать объятий Егора.

– Кхе-кхе, – вынуждена была напомнить о себе я, одновременно подумав, что всех этих секретарш с узлами на затылках и очками на кончиках точеных носиков почему-то непременно зовут Анжелами, Кристинами или, в крайнем случае, Дианами.

Егор выпустил секретаршу из объятий и, понизив голос, спросил:

– Алекс здесь?

Анжела кивнула в сторону одной из дверей, ничем не отличающейся от двух других.

– Сердитый?

– Как всегда.

– Мы пройдем?

– А это... – и секретарша брезгливо показала на меня длинным указательным пальцем с перламутровой лопаточкой ноготка.

– Это... со мной, – ответил Егор, не оборачиваясь, схватил меня за локоть и потащил к дверям, где скрывался клон Шамиля Басаева.

Хорошо воспитанный клон вежливо поднялся из-за стола, как только мы вошли, и с интонацией собственной секретарши изумленно воскликнул:

– Горыныч?!

– Не ждал? – усмехнулся Егор и плюхнулся на диванчик, стоящий против рабочего стола Алекса.

Я немедленно изящно пристроилась рядом. Повесить сумку за счастливо найденный длинный ремешок было некуда, и я решила поставить ее, как полагается в таких случаях, на пол у ног. Стоять сумка не захотела и со смачным шлепком завалилась на спину. Я подняла ее и попыталась угнездить на полу еще раз. Сумка покачалась немного и снова рухнула, теперь уже лицом вниз, и при этом из ее распахнувшихся недр под стол боссу фирмы покатились разные женские штучки в виде тюбиков давно использованных помад, хранящихся на черный день, зеркальца, расчески и прочих, не менее нужных вещей. А к ногам Егора спланировали запасные следки и носовой платок с голубыми кружавчиками.

Мой новый знакомый, неприязненно скривившись, быстренько собрал то, что оказалось в пределах его досягаемости, затолкал собранное в сумку, сунул ее мне на колени и сухо заметил: «Крепче держать надо». С этого момента я волей-неволей должна была напоминать боссу фирмы домохозяйку с кошелкой. Но не напоминала, потому что он вообще на меня не смотрел. Он смотрел только на Егора. Выражение его лица было мне непонятно.

– Все-таки явился... – наконец проронил он.

– Как ты и предполагал, – улыбнулся Егор.

– Неужели... с раскаянием?

– Ну... вроде того. Хотя, если честно, обстоятельства поприжали.

Егор начал рассказывать Алексу все: про свой почивший институт и про безуспешные поиски работы, словом, то, что я уже слышала вчера. Обрадовавшись, что мне пока не надо участвовать в разговоре, я во все глаза принялась разглядывать босса. Надо сказать, что, как только мы вошли в его кабинет, все мое существо вострепнулось и я готова была прокричать: «Вот он – мужчина моей мечты!» Алекс был похож на чеченца разве что смуглостью кожи, черными волосами и ярко-кариими глазами под длинными ресницами. Это был мужчина без всяких изъянов, мужчина с обложки журнала, похожий сразу на всех темноволосых артистов и одновременно не похожий ни на кого. На нем была наглухо застегнутая светлая рубашка с галстуком стального цвета с еле заметной блестинкой. Все это ему очень шло, как и всем смуглым людям.

– А это... – спросил обо мне Алекс, так же как секретарша – в среднем лице, когда ему окончательно осточертел мой немигающий восхищенный взгляд. Он показал подбородком в мою сторону и, тоже как секретарша, даже не счел нужным закончить предложение. Похоже,

ему на пару с Анжелой я казалась назойливой прощелыгой, которая где-то в дремучем лесу репьем прицепилась к их Горынычу и от которой он никак не может отделаться.

– Это... Это Надя, Наденька... Мы с ней познакомились у этого чертового полиграфа, – ответил Егор, не глядя в мою сторону. Похоже, что он уже десять раз пожалел, что притащил меня к своему другу. – Ей тоже очень нужна работа.

Босс Алекс, которого я до этого видела только в профиль, наконец полностью развернул свое лицо ко мне. Он действительно был красив. Классически. Кого-то он мне смутно напоминал, но я решила, что классические формы на то и классические, что всегда и сразу узнаваемы. Неповторимость лицу должна придавать улыбка или какая-то собственная особенная мимика, на которую газета «Биржа труда» советовала мне настраиваться... Особой мимики не было. Алекс не улыбался.

– Вы владеете компьютером, Надежда... э-э-э... – обратился он ко мне, запнувшись с окончанием вопроса.

– Николаевна, – подсказала я. – Владею.

– В какой степени?

– В степени обыкновенного пользователя.

– В Интернете бывали?

– Приходилось.

– Графические пакеты знаете?

Я вспомнила, как однажды к изображению бутылки водки «Заневская» присоединила голову пьянчуги мастера с керамического завода, и ответила:

– «Photoshop» ... немного... – и тут же вспомнила, что вместо неуверенно-дряблого «немного» надо было четко отпарировать, употребив хотя бы один активный глагол: «Photoshop» освоИЛА!

– А «Corel Draw»? «3D Max»?

– Нет. – После этого ответа я окончательно сникла, потому что, конечно же, надо было сказать: «Освою в самые короткие сроки!»

Но Алекс проявил ко мне снисходительность, видимо считая, что мы с Егором со времен полиграфа уже очень коротко подружились.

– Если хотите у нас работать, – сказал он, – то вам придется многому научиться.

– Я научусь! – с большим энтузиазмом вскричала я в лучших традициях претендентов на рабочее место, потому что для него я готова была научиться чему угодно, вплоть до затяжных прыжков с парашютом. А глагол «научусь» показался мне очень активным.

Алекс поморщился от моей экзальтированной неводержанности, но продолжил:

– Если сказать в общих чертах, то мы занимаемся веб-консалтингом... Вам, Надежда... э-э-э...

– Николаевна, – опять подсказала я.

– Ну да... Николаевна... Вам известно, что означает приставка «веб»?

– Ну... это то, что связано с Интернетом, – мгновенно проявила свою осведомленность я, чтобы он не успел спросить про консалтинг, так как о нем я даже приблизительно ничего не знала.

– Вы правы, – согласился Алекс. – Мы работаем в Интернете. Занимаемся аналитическим исследованием сайтов с точки зрения их организации и соответствия заявленным целям, удобства навигации по нему, общей привлекательности для посетителя... ну и... прочее...

Я поняла, что никогда в жизни не смогу в этом разобраться, но всем своим видом продолжала выражать свою полную осведомленность в деле веб-консалтинга.

– Неужели на этом можно хорошо заработать? – удивился Егор. – Сейчас чуть ли не каждый сам себе веб-дизайнер!

– Мы веб-аудиторы, – поправил его друг.

– От названия суть не меняется. Сейчас только ленивый не создает себе сайтов. Может, и другим – раз плюнуть. Как вы умудряетесь находить клиентов?

– Когда мы только начинали... ты как раз ушел... – совершенно бесстрастно начал объяснять Алекс, – было, конечно, очень трудно. Ходили на разные сайты, тщательно их изучали, чтобы определить недостатки, и предлагали владельцу идеи по устранению. Можно сказать, навязывались. Надоедали даже. Некоторые сразу посылали очень далеко и очень грубо, а другие на пятый раз соглашались к нам прислушаться. Теперь примерно половина клиентов находит нас по рекомендациям тех, с кем мы уже работали раньше. Остальных ищем, как и раньше, сами, по сайтам.

– Ясно, – кивнул головой Егор. – Ну, а как насчет вакансий в твоём агентстве?

– Пока справляемся. Как таковых вакансий нет, но тебя возьму, потому что... – Алекс посмотрел в окно, как-то нервно сглотнул и опять повернул к нам уже абсолютно спокойное лицо. – В общем, ты был тогда прав... Раскаиваться тебе не в чем...

– А Надю? – не забыл про меня Егор, на что я уже, признаться, и не рассчитывала.

– Надю? Надежду... м-м... Николаевну тоже возьмем, только... – он заглянул в мои глаза, от чего я окончательно и бесповоротно в него влюбилась, – с испытательным сроком... пожалуй, в месяц. Не всем подходит эта работа.

– Мне подойдет, – пролепетала я и послала ему самый нежный взгляд. Я сразу поняла, что приятель Егора Алекс – руководитель новейшей формации. Он согласился меня взять, несмотря на то что в моем жалком блеянии ни разу не промелькнула красная нить уверенности в том, что я принесу его фирме хоть чуток прибыли.

– Тогда жду вас завтра к девяти. Обоих, – объявил босс фирмы и встал из-за стола.

Мы поняли, что аудиенция закончена.

Уже у дверей «парадного подъезда» я спросила:

– Почему у этого агентства такое странное название – «Шамаил»?

– На самом деле ничего странного. Шамаил – это **ШАМ**анаев Алексей Ильич.

При этом сообщении я приросла к ступенькам и даже ухватила рукой за металлическую завитушку, свисающую с козырька над крыльцом. Алекс был никаким не Алексом. Он был Лешкой Шаманом, с которым я училась вместе с первого по восьмой класс. С тех пор и вплоть до сегодняшнего дня я его ни разу не встречала в Питере, потому и не узнала. Мне казалось, что он похож на всех вместе взятых голливудских актеров, а он, оказывается, был моим одноклассником.

Егор, настроение которого с утра здорово улучшилось, вез меня домой и неугомонно болтал о всяких пустяках. Я учтиво вставляла «да-да» и «надо же?», а сама думала только о Лешке. Он и в детстве был таким же жгучим и смуглым, за что и получил прозвище Шаман, тем более что и фамилия к этому располагала. Деловым он тогда тоже уже был. В то время, когда мы тусовались в подъездах и на дискотеках, Лешка Шаман пытался заработать любыми способами. Как слегка презрительно говорили наши ребята – шаманил. Тогда мы думали, что он шаманит из-за очень низкого материального достатка своей семьи, но теперь я понимала, что у него это было еще и в крови. Такой уж ему достался энергичный тип личности.

В детстве Шаман мне не нравился именно своей жуткой смуглостью и толщиной. Первым парнем в классе у нас был Юра Журавлев, высокий и худощавый светлый блондин, лицом похожий на Есенина. Он был точкой отсчета, и все остальные парни были хороши только в том случае, если хоть чем-то на него походили. Приземистый Шаман был похож на цыгана, у которого, возможно, с устатку от погони за деньгами волосы развились и жесткими патлами торчали в разные стороны. Причем похож на очень толстого по сравнению с Юрой цыгана. У него были коричневые, круглые и лоснящиеся щеки, круглый подбородок, пухлые губы, могучая грудь и мощные бицепсы. Ноги в дешевых джинсах представляли собой столбы Родосского

Колосса. Я помню, что вжималась в стену, когда Лешка проходил мимо. Мне казалось, что если он меня нечаянно зацепит, то непременно что-нибудь мне повредит.

Бывший Лешка Шаман со школьных времен здорово вырос. Похоже, он не похудел и не утратил своей могучести, но при высоком росте это теперь смотрелось совсем по-другому. Эдакий Рэмбо! Терминатор! Универсальный солдат-бизнесмен!

Лицо Шамана удлинилось и перестало невыгодно круглиться. Щеки и подбородок, покрытые модной нынче щетиной, которую он, ввиду ее жесткости, наверное, никогда не мог сбрить до конца, придавали Лешке некую богемность, томность и загадочность. Губы теперь были лишь слегка припухлыми и оказались красиво выписанными. А чего стоили глаза! Вишни, спелые черешни! Они заглянули мне прямо в душу и... ничего там не увидели. Лешка Шаман меня тоже не узнал. Мало ли в его жизни встречалось Надежд? Всех и не упомнишь. Имя распространенное. Когда завтра я представлюсь Михайлушкиной, это, естественно, ничего ему не напомнит. И даже девичья фамилия в этом смысле мне не помощница. Степановых в России как грязи!

Возле моего дома Егор улыбнулся мне давешней обаятельной улыбкой, но она для меня уже ничего не значила. Он опоздал. Мне нужен был только Шаман. Егор этого не знал и продолжал трещать о всякой ерунде: где мы завтра встретимся и все такое. Договорились, что на прежнем месте, на выходе из метро станции «Достоевская».

– Только, Наденька... – замылся Егор. – Вы... наденьте завтра что-нибудь другое... – и он показал рукой на мой деловой костюм приглушенного тона. – На вас у полиграфа был такой миленький джинсовый костюмчик...

– А как же корпоративный стиль? – спросила я.

– Завтра, думаю, мы поточнее узнаем, в чем он состоит, а там и переоденемся в соответствии... Договорились?

Я кивнула и пошла к подъезду.

Дома, даже не сбросив туфель того же кошмарно-делового стиля, что и костюм, я достала фотографию нашего восьмого «Б». Вот он, Шаман. Стоит в первом ряду, где отводилось место для самых низкорослых. Белая рубашка с трудом сходится на его груди и сборит на боках. Черная челка закрыла лоб и половину глаз, пухлые губы расползлись на пол-лица. Это уже не цыган, а индус какой-то. Или индеец... Кто знает, как правильно? В общем, любимец моей бабушки – Радж Капур.

А вот я. Маленькая, тщедушная, с двумя тощими хвостами над ушами. Натуральная питерская Масяня. Думаю, что в школе я Лешку тоже совершенно не привлекала. Я вообще никого не привлекала. Михайлушкин привлёкся, когда я уже несколько похорошела. А случилось это после школы, когда мне исполнилось восемнадцать. По-настоящему привлекательной я стала лет в двадцать пять. Так что Михайлушкин не прогадал, когда женился на восемнадцатилетней. Хотя потом, как вы уже знаете, решил, что все-таки прогадал. Впрочем, куда это меня опять понесло? Мой бывший муж Денис меня нынче не интересовал совершенно.

Я придвинула к себе настольное зеркало. Вот я нынешняя. Теперь почему-то все у меня круглое: лицо, серые глаза и даже прическа – кругло начесанная стрижка, утратившая свои неназойливо наползающие на щеку пряди. Ничего общего со школьной Масяней. Неудивительно, что Шаман меня тоже не узнал. И как же мне себя вести? Признаться, что я его одноклассница, или не стоит? Наверное, не стоит. Вряд ли ему понравится, что я помню его низеньким толстеньким цыганистым Раджем Капуром в дешевых джинсах. Как там было написано в газете? «Выбирают успешных и счастливых». Лешка Шаман таковым не был. О нем надо забыть. Алексей Ильич Шаманаев – это совсем другое дело. Мне стоит поддерживать его новый имидж.

А что делать с моим имиджем? Против шаманаевской секретарши Анжелки я выгляжу чудовищно. Не случайно она не почувствовала во мне никакой угрозы и никакой ревности к

Егору, с которым так трогательно расцеловалась. К сожалению, мне уже не двадцать лет. И даже не двадцать пять. Для Анжелок я – уже отработанная пустая порода. Шлак. Интересно, какие отношения связывают бывшего Шамана с его секретаршей? И вообще, как у него дела на личном фронте? На ком женат? Сколько детей? О том, что он по счастливой случайности может оказаться холостым, я старалась не думать. Такого подарка жизнь мне преподнести не может.

Весь вечер я перебирала свои не слишком многочисленные наряды. Все казалось неподходящим. Все не то... все не так... Либо слишком ярко, а потому не для работы, либо старо и немодно. А прическа? Может, еще раз сходить в парикмахерскую? Я взглянула на часы. Если в ту, что на углу, то, пожалуй, еще можно успеть.

– Девушка, – обратилась я к молоденькой парикмахерше, – нельзя ли меня как-нибудь перестричь по-другому?

– У вас для изменения образа слишком короткие волосы, – совершенно незаинтересованно ответила она.

– И что? Неужели ничего нельзя сделать? Совсем-совсем?

– Ну, почему... Можно сделать еще короче... Такую... почти мужскую стрижку... Раньше ее называли тифозной... Хотите?

– А мне пойдет?

– Ну... не знаю... Вообще-то, у вас правильное лицо. Должно пойти.

– Тогда стригите!

– Как скажете.

Домой я вернулась вполне тифозной с затылка, как в старых фильмах про войну или революцию, и чуть ли не в два раза помолодевшей. Не женщина, а сорванец! Гаврош, которому остригли его классические пряди до плеч, но оставили на лбу лихую рваную челку по самые брови! При этом всякую круглость с моего лица как рукой сняло. Довольная собой, я вбежала в Димкину комнату и распахнула его шкаф. К имиджу женщины-подростка, пожалуй, подойдут его майки и джинсовки. Мой собственный джинсовый костюм с вышитыми цветочками и шнуровками – слишком женственен для нового образа. Конечно, самые лучшие шмотки сын забрал с собой в Москву, оставил то, что считал «отстоем». Я прикинула на себя «отстойную» куртешку с многочисленными карманами и молниями и поняла, что это как раз то, что надо. Если под нее надеть не Димкину, а мою собственную черную футболку, которую я вообще-то раньше носила только зимой под свитер, то образ будет окончательно завершен.

Я леглась спать в предвкушении того, как завтра обалдеет от моего нового образа Лешка Шаман. Но не зря говорят, что утро вечера мудренее. Только утром я сообразила, что вместо парикмахерской надо было посетить библиотеку и поточнее узнать, что такое консалтинг, а также с чем едят «он-лайн», а заодно выучить наизусть какие-нибудь новомодные словечки.

Можете себе представить, как я удивилась, когда увидела возле подъезда не воплощенную в жизнь мечту Михайлушкина со спойлером.

– Егор? Вы что здесь делаете? – выкрикнула я. – Мы же договорились на «Достоевской»!

Хозяин спойлера ответить смог не сразу, потому что обалдел от моего нового образа, как мне и мечталось. Думаю, Шаман тоже не устоит. Я провела рукой по ежику торчащих волос и с интонацией несравненной Алисы Фрейндлих спросила:

– Живенько так, да?

– Вам очень идет, – согласился Егор. – Садитесь, Наденька.

Я решила больше не уточнять, зачем он подъехал к моему подъезду. Какая мне, собственно, разница?

До агентства Шамана мы опять весело и беспредметно, перескакивая с одного на другое, болтали, а у «парадного подъезда» у меня опять начали подкашиваться ноги. Еще бы! Сейчас я снова увижу бывшего одноклассника и одновременно нынешнего мужчину своей мечты, для процветания фирмы которого даже начну слегка заниматься консалтингом.

Мужчины моей мечты на месте не оказалось. Анжелка, очередной раз расцеловавшись с Егором, бросила на меня уже более заинтересованный взгляд и провела в помещение, которое находилось рядом с кабинетом босса. Оно резко отличалось от всего остального, что я уже видела в фирме: никакого хай-тека, обыкновенный интерьер рабочего бюро, заставленного шкафами, стеллажами и столами, заваленными бумагами. На каждом столе светился монитор компьютера, а посередине комнаты стояла какая-то потрясающая белая машина фирмы Panasonic. Я сначала подумала, что это навороченный ксерокс, но потом увидела прищипанную к нему сбоку телефонную трубку и потрясающее воображение количество разных кнопок на передней панели.

– Что это? – шепнула я Егору.

Анжелка тут же перехватила инициативу и доходчиво объяснила мне тоном экскурсовода с тремя высшими образованиями, который водит оленеводов заполярного Урала по золотым кладовым Эрмитажа:

– Это лазерный многофункциональный факсимильный аппарат фирмы «Panasonic», который обладает всем необходимым для офисной работы. Он сочетает в себе телефон, факс, цифровой копир, сканер и принтер. Понятно?

Я кивнула, потому что поняла, что при таком аппарате, который стоит в общей рабочей комнате, секретарша Анжелка в течение рабочего дня может раз двадцать перекрасить себе ногти, а может даже успеть и нарастить новые.

Когда я наконец оторвала взгляд от лазерного многофункционального факсимильного аппарата, то увидела, что все сотрудники фирмы Шамана столпились возле Егора. Мужчины похлопывали его по плечу, а женщины улыбались с такими же довольными лицами, как вчера Анжелка. Все явно его знали и были рады видеть. Сразу скажу, что, если не считать секретаршу, никакого особого корпоративного стиля одежды у сотрудников агентства не наблюдалось. Все были одеты кто во что горазд и в основном в разные варианты удобных джинсовок.

– Познакомьтесь, Наденька, – повернулся ко мне Егор. – Вот это Даша с Пашей! – и он показал на довольно молодую пару. – Были жутко талантливыми компьютерными дизайнерами уже два... нет, целых три года назад. Представляю, чем они сейчас тут ворочают! А это Борис и Глеб, – представил он мне двух мужчин постарше.

– Стратотерпцы? – улыбнулась я.

– Вроде того, – ответно улыбнулся тот, которого назвали Глебом. – Наш Святополк-Шаманаев запросто убьет, если заказ вовремя не успеет.

– А я – Ирма, – сама представилась еще одна женщина.

Меня чуть ли не мороз продрал при виде ее знойной южной красоты. Грузинка или армянка? Впрочем, значения ее национальность не имела никакого. Ясно, что я очень бледно смотрюсь на ее жарком фоне. Лешка, конечно, сразу же это заметит или, скорее всего, не будет меня замечать вообще. Я с эдакого горя, наверное, сразу ушла бы из фирмы, если бы... если бы Ирма не показалась мне намного старше Шаманаева. В ее чудесных волосах цвета воронова крыла серебрилось довольно приличное количество седых прядей, а у глаз и рта, когда она мне улыбнулась, собрались множественные сухие морщинки. «Да ей лет сорок пять, не меньше», – решила я и немного успокоилась. Все-таки я значительно свежее, что мужчинам нравится гораздо больше зрелой красоты. А если красота отягощена еще и интеллектом, который так и прет из Ирмы, то рассчитывать грузинке, пожалуй, вообще не на что. Быть умнее собственного босса – очень неосмотрительно и даже опасно. Впрочем, о чем это я? Ирма наверняка счастлива в замужестве за таким же красивым грузинским джигитом и на босса не зарится.

– Алексей Ильич попросил взять вас под свое крыло, – с легким акцентом сказала Ирма и положила мне на плечо свою действительно легкую, как крыло, руку. – Пойдемте, я покажу вам ваше место. Оно будет рядом со мной. Если что, я всегда с радостью помогу.

Весь рабочий день я пыталась ненавязчиво дать Ирме понять, что ничего не понимаю в деятельности их фирмы, но очень хочу научиться. К концу дня красавица грузинка даже уже поручала мне кое-какие переговоры с клиентами.

Шаманаев не появился на рабочем месте до конца дня, но это никак не сказалось на деятельности фирмы. Никто из его сотрудников не читал детективов, конспиративно уложенных в выдвижной ящик стола, никто не вязал, не бегал через каждые десять минут на перекуры и не болтал о пустяках. Все честно, не покладая компьютерных мышек и телефонных трубок, прижатых к уху плечом, работали. Отвлекались, только чтобы выпить кофе с принесенными из дома бутербродами да на неизбежные походы в помещения, обозначенные буквами «М» и «Ж». Лишь Паша с Дашей в полдень сбегали еще и в соседнее кафе.

Когда я в конце дня возвращалась из «Ж», меня окликнула секретарша Анжелка:

– Ну, как вам у нас? Привыкаете?

Мне почему-то показалось, что она хотела спросить совсем о другом, и я с любопытством подошла к ее столу. Мне тоже хотелось поговорить... о Шамане и вообще...

Как я и предполагала, Анжелка подпиливала свои и без того безупречные ногти. Присев с ней рядом на минимализированный стул без всяких удобств, я сначала сказала дежурное:

– Да так... Потихоньку... – а потом спросила то, что было интересно мне: – А что, босса часто не бывает?

– Редко. Похоже, у него опять какие-то домашние заморочки. Они его периодически достают, – ответила секретарша.

– Надо же! – Я пожалала плечами, силясь скрыть за этим пожиманием свою радость по поводу личных заморочек Шаманаева. – А кажется таким успешным...

– В бизнесе-то он успешный, ничего не скажешь, а вот... – Анжела понизила голос, – в личной жизни... у него полное безобразие...

– Странно, такой... красивый мужчина... – решила сказать я.

– Да кому эта его красота нужна, когда он нудный, как... как я не знаю что! Да от него же просто тошнит!

Я силилась понять, зачем Анжела так нелюбезно отзывается о Шаманаеве, когда я без году один день в фирме. Как-то это не... корпоративно. Может, на самом деле она влюблена в него и таким образом пытается внушить мне неприязнь к боссу? Или специально задерживает меня в коридоре, чтобы трудолюбивые сотрудники, почувствовав во мне сачка, настучали Лешке и он с позором выгнал бы меня из своего «Шамаила»? Я как раз раздумывала над третьей возможной причиной Анжелкиной откровенности, как все разъяснилось само собой.

– А вы откуда Горыныча... то есть Егора Евгеньевича Воронцова... знаете? – спросила она. – Он вам кто?

Вот оно что! Горыныч! Егор Евгеньевич Воронцов! Не зря она так радостно с ним обнималась! Откровенность, значит, за откровенность? Неужели такой современной красотке, у которой все при всем и работа не пыльная, нравится обыкновенный, ничем не примечательный мужчина, да еще и старше ее лет на пятнадцать?

– Егор Евгеньич... он друг... моего... мужа, частый гость в нашем доме. Я настолько хорошо его знаю, что очень удивилась всеобщему восторгу при его появлении, – вдохновенно соврала я.

– Ой, ну что вы! Егор Евгеньич... он такой... Его все любят! А женщины вообще... практически все сразу вешаются ему на шею!

– А он? – осторожно спросила я.

– А он? Ой, будто не знаете! Он со всеми... Таких вроде бы называют бабниками... Но он не бабник! – Анжелка помахала перед моим носом длинным пальцем со свежеспиленным ногтем. – Женщины сами! Вот вы еще увидите! Дашка, например, хотя и жена Павлика Дроздецкого, но... В общем, я Пашке не завидую!

– А Ирма?

– А Ирма – вообще темная лошадка. Да-да! Он ей наверняка тоже нравился, но разве она скажет... Еще бы – корона же свалится! Хотя... может, и сам Егор Евгеньич в чем-нибудь дал маху. С ней мужичью непросто. А вот вы... Раз вы говорите, что Горыныч друг ва...

– Кстати, почему вы его так называете? – перебила я Анжелку.

– Ну... во-первых, это естественное образование от имени, а во-вторых, когда он злится – вылитый Змей Горыныч!

– Он умеет злиться?

– Еще как! При этом действительно кажется, что дым из ноздрей валит. Но это бывает редко. Уж так разозлить надо, уж так... – секретарша, удостоверившись, что я удовлетворилась ее ответом, вернулась к прерванному мной вопросу: – Если Егор Евгеньич бывает у вас в доме, то вы, наверное, знаете... – Она нервно облизнула бежевые, в тон костюма и мебели губки. – Он не женился, случайно, за эти три года?

Ничего себе, как тут все серьезно! Не случайно все-таки этот Горыныч показался мне после первой встречи сильно обаятельным. Я решила ответить неопределенно, потому что семейное положение Воронцова еще являлось для меня тайной.

– Официально... нет... но...

– Ясно, – горько вздохнула Анжела. – Конечно, с кем-нибудь живет. Мужчины без этого не могут. Только женщины способны ждать годы...

Про годы двадцатилетняя (с небольшим хвостиком) секретарша сказала таким умудренным и уставшим голосом, будто ждала Горыныча, как Пенелопа Одиссея, десятилетиями и сильно при этом постарела.

– А вы ее видели? – опять спросила она.

– Кого? – не поняла я.

– Ну, ту, с кем он живет... Он ведь наверняка приводил свою женщину к вам в гости!

– А-а-а-а... Ну, да... приводил... Только все больше разных...

– О, тогда хорошо! – обрадовалась Анжелка. – Если разных, то это ведь все несерьезно, правда?

– Скорее всего...

– Вы, конечно, извините, что я с вами тут так разоткровенничалась, – потупила глазки девушка. – Но, понимаете, я боюсь, что Дашка... В общем, она не посмотрит, что у нее есть законный муж Павлик... Вы меня понимаете?

Как могла, я выразила понимание ситуации и лицом, и ужимками, и именно в этот момент из рабочей комнаты вышла только что упомянутая Даша со своим мужем. Я вгляделась в нее попристальней, и скажу вам, что она немногим лучше Анжелки, в том смысле, что тоже очень молодая. С высоты моего возраста мне кажется, что все девицы до тридцати отвратительно глуповатые, хотя это, возможно, истине и не всегда соответствует.

Даша, например, была высокой кареглазой брюнеткой с сухим волевым лицом без всякой косметики. Чувствовалось, что она руководит своим рыхловатым увальнем Пашей с его детским округлым подбородком и мягкими светлыми волосами, просто вертит им, как хочет. Вслед за Анжелкой мне почему-то тоже стало жаль молодого человека, хотя я его еще совсем не знала.

– Ну, пока, мы домой! – низким хриловатым голосом попрощалась с нами Даша и одарила секретаршу таким уничтожающим взглядом, что у той задергался левый глаз.

Паша ничего нам не сказал, только вежливо сделал ручкой.

– Вот видите! – обернулась ко мне Анжелка, когда Даша с Пашей скрылись. – Змея еще та! Кобра! Пашка еще наплачется! А вы... Вот вы не могли бы мне как-нибудь посодействовать?

– В каком смысле? – спросила я.

Анжела хотела дать необходимые разъяснения, но тут в холле появилась Ирма. У меня тут же задергался левый глаз, как у секретарши при виде Даши.

– Наденька, я домой, – все с той же милой улыбкой обратилась ко мне Ирма. – На вашем компьютере незакрытый документ. Внесите, пожалуйста, изменения в последнюю строку, как мы договаривались, хорошо?

Разумеется, я ответила:

– Хорошо, – а когда она вышла на улицу, не утерпев, сказала в пространство: – Какая красивая женщина!

– И чего красивого? Черная, как головешка! Моджахедка! Не знаешь, чего от нее ожидать.

– А она замужем? – как можно равнодушнее спросила я.

– Была замужем – это точно, а сейчас – не знаю. Что-то ничего не слышно больше о ее Шота... или Шоте...

– Шоте?

– Ну да! Знаете, был такой – Шота Руставели... С тигровой шкурой... А у нее – Шота Елошвили. Ее муж. Ой, у грузин такие странные имена!

– И что Шота? Затерялся в горных ущельях?

– Откуда я знаю? Может, они просто разошлись, и Ирма больше не хочет о нем говорить. Я же ей не подруга, она мне не рассказывает.

– А почему вы, Анжела, не идете домой? – Я посчитала возможным задать этот вопрос, потому что девушка даже не думала собирать свои вещи.

– Ну... раз вы уже и так все поняли, то... В общем, я хочу подождать Горыныча. Он наверняка прилип к компьютеру либо Бориса Иваныча, либо Глеба Сергеича, а те никогда домой не торопятся. Представляете, за ними жены иногда прямо в офис приходят, как за малыми детьми в детский сад!

– Да, – согласилась я, – Егор действительно целый день просидел с ними. Даже кофе пил, не отрываясь от их мониторов.

– Он жутко талантливый! Вот увидите, фирма с его приходом резко пойдет в гору! – Анжела пристально посмотрела мне в глаза и еле слышно проговорила: – Так как вы все-таки смотрите на то, чтобы мне помочь?

– Да-да, вы вроде бы начинали что-то такое говорить...

– Начинала... В общем, Воронцов... он мне очень нравится... Всегда нравился... Три года назад тоже. И я ему вроде бы нравилась. Между нами даже кое-что было... Не могли бы вы узнать, раз уж он такой близкий друг вашей семьи, как он ко мне относится? Я со своей стороны...

Секретарша в очередной раз не договорила, потому что из рабочей комнаты, хохоча, вывалился Егор вместе с одним из страсготерпцев, кажется, Борисом.

– Наденька, Анжелка! Вы все еще здесь? – удивился Воронцов. – Ну-ка быстро собирайтесь – развезу по домам!

Надо ли говорить, что секретарша собралась мгновенно, так и не объяснив мне, каким образом я должна ей помочь. Правда, это было ясно уже без всяких дополнительных слов. Она хотела, чтобы я замолвила «другу дома» за нее словечко. Что ж, может, и замолвлю. Жалко, что ли?

Вместе с ними я не поехала. Отговорила тем, что еще не внесла изменения в документ, и отправила девушку с Воронцовым. Похоже, Анжелка была мне за это благодарна. Как только

они уехали, я сразу выключила свой компьютер и ушла домой, потому что не могла даже представить, как тут отключить все остальное. Пусть закрывает офис второй страстотерпец.

Работать в агентстве «Шамаил» мне нравилось. Оказалось, что консалтинг – это, если по-простому, всего-навсего консультация. Фирма консультировала клиентов по поводу интернет-сайтов и занималась еще многими, параллельными главной своей задаче вещами. Ирма оказалась очень хорошим наставником и через месяц обучила меня азам профессии веб-аудитора. Кроме того, она сделала из меня заправского менеджера, лучше всех владеющего тем самым лазерным многофункциональным факсимильным аппаратом фирмы «Panasonic», который в первый мой приход Анжелка демонстрировала как музейный экспонат. Я вела переговоры с заказчиками, которые регистрировались на нашем сайте. В мои обязанности входило оговаривать с клиентами перечень интересующих их услуг, цену и сроки выполнения наших обязательств. Потом я отправляла заказчику заполненный бланк технического задания. Если его все устраивало, фирма приступала к работе. Сейчас самым крупным заказом, поступившим от руководителя компании по торговле пиломатериалами, были загружены молодые супруги.

– Не нравится мне этот Эдуард Михайлович Козлачев, – объявила Даша во время одного из перекусов. – Скользкий он какой-то... Вот помяните мое слово, он откажется от наших услуг. Мы ему уже настолько раскрыли свои карты, что все наши придумки он запросто внедрит без нас!

– Все под контролем, Дашулька! – подмигнул ей Егор, которого я теперь, как и все, звала Горынычем. – У его сайта слабая система технической безопасности. Вы над этим еще не работали, так что... сама понимаешь: с «Шамаилом» шутить – себе вредить!

– Я запрещаю кому-нибудь вредить! И вы все это прекрасно знаете! – пророкотал Шаманаев, неожиданно зашедший в нашу рабочую комнату.

– А ты представляешь, Алекс, какой будет убыток фирме, если этот козел... то есть Козлачев, не заплатит?

– Репутация фирмы дороже денег! Свяжемся с этим... который и мне, честно говоря, напоминает то же самое животное, потом не отмоешься. Другие заказчики сразу все проносятся и вывернут наизнанку. Будут говорить, что «Шамаил», чуть что не так, «кидает» клиентов, «разводит на деньги», а дела не делает. – Босс шлепнулся рядом на свободный стул, который под ним сразу жалобно затрещал, и попросил себе кофе.

Ирма моментально нашла чистую чашку, собственноручно насыпала в нее растворимого кофе, бросила два куска сахара, залила кипятком и подала Шаманаеву. Мне показалось, что он совершенно напрасно вместе с чашкой взял в свои ладони руки Ирмы и удерживал их непозволительно длительное время. Кроме меня, этого никто не заметил, потому что, возможно, никого, кроме меня, это не интересовало или все к этому давно уже привыкли. Страстотерпцы Борис и Глеб даже за столом для перекуса что-то чертили в своих рабочих блокнотах, Пашка налегал на бутерброды, а Даша с Анжелкой не сводили глаз с Горыныча, который обворожительно улыбался им обоим и еще успевал посылать нежные улыбки мне.

С Горынычем мы поддерживали самые теплые дружеские отношения, и я уже несколько раз даже не намекала, а предлагала ему открытым текстом обратить наконец внимание на страждущую секретаршу. Он обещал мне подумать над этим вопросом, и не далее как вчера я случайно застала их страстно целующимися в комнате отдыха для сотрудников, которая находилась за третьей дверью, выходящей в холл, и официально именовалась помещением для психологической разгрузки.

Анжелка сказала, что раньше в этой комнате находился тренажерный зал, но работа в агентстве была такой напряженной, что еще и на дополнительную физическую нагрузку у сотрудников сил уже не хватало. Пару месяцев назад по распоряжению Шаманаева все трена-

жеры куда-то вынесли, а комнату кардинальным образом переделали: стены покрасили в успокаивающий зеленоватый цвет, на окна повесили матовые шторы тон в тон стенам и поставили мягкую удобную мебель. В комнате можно было даже соснуть полчасика за ширмой или расслабиться в наушниках под хорошую музыку, покачиваясь в кресле-качалке, стоящем в настоящем зимнем саду из буйно разросшихся растений в красивых глазурированных горшках.

Я как раз зашла чуть-чуть посидеть в кресле и остыть, во-первых, от раздражения по поводу нежного рукопожатия Шамана и Ирмы, а во-вторых, от разговора с чересчур занудным клиентом, который никоим образом не хотел делать предоплату за, как он выражался, кота в мешке. Памятуя о репутации фирмы, о которой так пекся Лешка Шаман, я сдержала себя и не послала этого идиота к чертям собачьим, а раз пять объяснила, что без предоплаты фирма не работает, поскольку уже были прецеденты, когда заказчик исчезал, не заплатив вообще ничего.

Короче говоря, я вошла в комнату отдыха (или в помещение психологической разгрузки) и увидела целующуюся пару. Горыныч с Анжелкой вошли в такой раж, что в пылу поцелуев практически вылезли из-за ширмы, за которой пытались скрыться. Я осторожно закрыла дверь с другой стороны и увидела прямо перед собой Дашку, у которой были абсолютно красные от переутомления глаза.

– Хочу чуть вздремнуть, – сказала мне она. – В глаза будто песка насыпали. Аж слезятся.

– Знаешь, Дашенька, – сказала я как можно громче, рассчитывая на то, что двое за ширмой меня услышат. – На пару минут пройдем, пожалуйста, к телефону. Там этот ненормальный Галямичев из фирмы «Кексы на любой вкус» не желает делать предоплату. Я хотела ему сказать, что ты не станешь исправлять навигацию его идиотского сайта, тем более что у тебя и без него полно работы с пиломатериалами, но не сказала... терять заказ все же не хочется... Давай ему позвоним! Ты скажешь Галямичеву пару ласковых слов, а потом иди и дрыхни хоть до обеда. А, Даш?

– Не-е-е, Надя, не могу... Всего полчаса, и я буду как огурец! Я позвоню этому кретину сама, не волнуйся. – И она открыла дверь.

И тут же захлопнула ее обратно. Лучше было бы мне не видеть ее лица! Во-первых, по нему сразу стало ясно, что у галямичевских «Кексов на любой вкус» останется та же хреновая навигация, какая была, и что денег мы с него не получим. Во-вторых, я поняла, что Анжелке не поздоровится, а я переведена Дашкой в статус врага, поскольку покрывала преступников.

Тяжелыми шагами и все с теми же неотдохнувшими глазами Дашка пошла обратно за свой компьютер. А я – за свой. Нас с ней обеих сегодня умыли. Ее – Горыныч, меня – Лешка Шаман. Я должна сказать, что он так и не вспомнил, кто я такая, а о моих чувствах к нему не догадывается вовсе.

Сидя за компьютером, не только не остывшая, а, даже наоборот, взвинченная еще сильнее, чем до того, как отправилась в комнату отдыха, я никак не могла переключиться на слоган для фирмы по изготовлению и продаже канцелярских принадлежностей «Омега». Он должен был стать девизом их сайта, который параллельно с теми же пиломатериалами разрабатывал Дашкин муж. В случае моей удачи этот слоган мог быть помещен на рекламных щитах и даже в СМИ. Такую работу мне предложили впервые, и я, конечно, намеревалась выложиться до предела и показать свои способности во всей красе. Но разве можно думать о канцелярских принадлежностях, когда тут такие дела происходят... Бедная Анжелка! Против Дашки она – жалкий заморенный бежевый хомяк. Впрочем, такой же, как я – против Ирмы.

Эта Дашка непременно найдет способ нейтрализовать секретаршу. А я? Может, мне все-таки пора как-нибудь себя проявить? Взгляд невольно остановился на плакатике, прикрепленном магнитом к доске со всякими напоминательными бумажонками. Надпись на нем гласила:

«Нетипичный поступок и нетипичное решение запоминаются надолго. Это один из способов заявить о себе!»

Точно! Пора заявить о себе нетипичным поступком! Не откладывая дело в долгий ящик, я оторвалась от своего компьютера и отправилась в кабинет к Шаманаеву. Он был на месте и любезно предложил мне стул, который даже подвинул поближе к своему столу.

– Слушаю вас, – доброжелательно сказал мой босс, а я обмерла от красоты и близости его темных глаз.

– Я... собственно... с предложением... Не знаю, как вы на него посмотрите, но оно... в общем-то...

– И что же это за предложение? – прервал меня Шаманаев, поскольку как чуткий руководитель понял, что я могу выражаться словами-паразитами довольно долго.

– В общем... – затянула я все ту же песню, и Лешка вынужден был попросить:

– Только, если можно, покороче, а то я должен через пятнадцать минут уехать.

– Хорошо. – Я взяла себя в руки и выпалила единым духом: – Мне кажется, что название нашей фирмы отпугивает многих клиентов. Вот!

– Даже так? – удивился Шаман. – И чем же?

– Понимаете, – я все еще вынуждена была обращаться к своему бывшему однокласснику на «вы», – когда я впервые увидела вывеску на дверях, то решила, что это какое-то радикально исламистское заведение, и это мне совершенно не понравилось. Я даже не хотела к вам заходить. Горыныч втащил.

– Исламистское? Да еще и радикальное? Не понравилось? Ничего не понимаю!

– Чего же тут непонятного? Кому может понравиться исламистская фирма посреди Питера после стольких террористических актов? Может, она только прикидывается консалтинговым агентством, а на самом деле готовит радикальный взрыв Исаакиевского собора...

– Да почему исламистская-то? Какой еще взрыв?

Я почувствовала, что Шаман начал терять терпение, и объяснила:

– Все дело в созвучности «Шамаила» – Измаилу, Исмаилу, Шамилю и прочим... Разве вы не чувствуете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.